

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ, У.Г. НИКОЛАЕВА, Ю.А. ДЕМИДОВА

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «ЖИЗНЕННОГО МИРА» ГОРОЖАНИНА ВО ВНЕГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА: ДОМ И ДОМЕСТИКАЦИЯ

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (npokrovsky@hse.ru); НИКОЛАЕВА Ульяна Геннадьевна – доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ynikolaena@gmail.com); ДЕМИДОВА Юлия Андреевна – выпускница аспирантуры кафедры этнологии исторического факультета того же университета (decostiera@gmail.com). Все – Москва, Россия.

Аннотация. В статье осуществляется феноменологическая реконструкция «жизненного мира» горожан, покупающих в целях рекреации дома в деревне и начинающих создавать внегородскую модель существования, центром которой становится сельский дом. Этому процессу, обозначаемому термином «дезурбанизация», сопутствует формирование специфических социальных практик и особого «жизненного мира» (в терминах феноменологии) горожан с характерными для него ментальными конструкциями – «дом», «очаг», «историческое прошлое», «предметный мир владельцев», «затерянность в пространстве», «уединение», «архаика» и ряд других. Эмпирическую основу исследования составляют качественные интервью и анализ кейсов дезурбанизационных практик горожан на Ближнем Севере России в деревнях Костромской и Вологодской области.

Ключевые слова: Ближний Север • дезурбанизация • обратная миграция • дачная миграция • феноменология жилища • сельский дом • сельский образ жизни

DOI: 10.31857/S013216250007752-0

Реальность современной внегородской России. Будущее российских внегородских пространств – одна из актуальных тем общественных дискуссий последних лет. На всех уровнях постоянно обсуждается вопрос: «Что дальше?», относящийся к тысячам сельских поселений, перспективы выживания которых в связи с потерей сельскохозяйственной экономики, становятся весьма призрачными. Исследование показывают устойчивый тренд депопуляции сельского населения большинства регионов Российской Федерации и ускоренного сжатия освоенного пространства за пределами мегаполисов, что особенно заметно в районах Ближнего Севера [Потенциал Ближнего Севера..., 2014; Нефедова и др., 2015; Денисенко, Николаева, 2015 и др.].

Но картина не столь однозначна. Набирает силу противоположный тренд. Все чаще и чаще москвичи и петербуржцы проводят время – от нескольких летних месяцев до круглогодичного цикла – на так называемых «дальних дачах», позволяющих погружаться в мир природы и российской деревни. Возможно, обозначилось надвигающееся завершение урбанизационного цикла и переход к массовому реосвоению внегородских пространств на дальних дистанциях. Контрурбанизационная миграция территориально охватывает в основном зоны 500–600 км в радиусе вокруг мегаполисов и неравномерно структурируется в виде новых поселенческих кластеров, образующихся по определенным

географическим и социальным принципам. Рост популярности «дальних» дач в последние десятилетия напрямую связан с тем, что ближайшая от городов зона дачного освоения – «субурбия» – все менее соответствует рекреационным потребностям. В условиях «текучей современности» (З. Бауман), многообразных мобильностей (Дж. Урри) и всеобщей «макдональдизации» общества с упором на сверхпотребление (Дж. Ритцер) горожане испытывают явный дефицит контактов с первозданной природой, незамутненной исторической памятью в виде веками создававшихся деревенских домов.

Погружаясь в иные мир и быт, в сельскую «архаику», обладатели деревенского дома зачастую заметно отдаляются от стереотипов городской жизни. Возникает «гибридная» модель: горожане пытаются совместить достижения современной цивилизации с преимуществами жизни вдали от города, в первую очередь с хорошей экологией. Доступность Интернета позволяет удаленно работать, используя средства инфокоммуникаций и эпизодические поездки в мегаполис. Ближний Север в силу современной экономической стагнации, хозяйственного «сжатия» и депопуляции парадоксальным образом привлекателен для горожан, поскольку предоставляет незанятые или освобождающиеся социальные пространства с низкими ценами на сельскую недвижимость и землю, относительно хорошим состоянием экологии. Это способствует образованию поселенческих кластеров горожан [Нефедова и др., 2016; Между домом и ... домом, 2016]. Пессимистическая перспектива Ближнего Севера переплетается с оптимистической, рисуя возможные контуры ревитализации за счет «внутренней колонизации» региона в ближайшем и отдаленном будущем¹.

«Жизненный мир» горожанина в деревне как опорная точка феноменологического исследования. В России исследования дезурбанизации начались сравнительно недавно: тема актуализировалась благодаря объединенным усилиям социологов и географов, проводящих с начала 2000-х гг. исследования периферийных сельских районов на Ближнем Севере России в рамках междисциплинарного «Угорского проекта» на базе РОО «Сообщество профессиональных социологов» [Потенциал Ближнего Севера..., 2014; Ойкумена Ближнего Севера, 2015; Горожане в деревне, 2016; Nefedova, Pokrovsky, 2018]. Наряду с анализом экономической и демографической статистики велись систематическое наблюдение и анкетирование сельских жителей, экспертные опросы представителей администрации, городских и сельских служб, интервьюирование по методике качественных исследований дачников и местных жителей².

В статье представлено новое измерение темы: выявляются субъективные причины дезурбанизационного решения горожан, мотивация и самообъяснения покупки деревенских домов, описывается восприятие пространства деревни и сельского дома, реконструируется возникающий особый «жизненный мир» горожан в деревне – аспекты, которые нуждаются в феноменологическом описании и социокультурном анализе.

Интерес представляет процесс ментальной аккомодации городского населения, «исходящего» из мегаполиса во внегородское пространство, исследование внутренней мотивации людей, принимающих жизненное решение, меняющее по крайней мере существенно видоизменяющее прежнее городское бытие, что в итоге ведет к формированию особого «жизненного мира» горожан в деревне. Такой подход подразумевает своеобразное «расколдование мира» (*Entzauberung der Welt* – М. Вебер) в рамках понимающей социологии,

¹ Термин «внутренняя колонизация» староосвоенных российских территорий, введенный в оборот А. Эткингом, означает хозяйственное освоение пустующих окраин России [Эткинд, 2018]. На наш взгляд, этот термин обременен негативными историческими ассоциациями, что препятствует его широкому использованию в научной литературе.

² Массив данных собран в социологических экспедициях (август 2017 г., июль–август 2018 г., июнь–август 2019 г.) в Мантуровском районе Костромской области (деревни Угоры, Выползово, Карьково, Леонтьево, Усолье, Шилово, Аносово, Хлябишино, Медведево), в Бабаевском районе Вологодской области (сельское поселение Борисово-Судское). Для статьи сделана выборка респондентов интеллектуальных профессий с высоким уровнем рефлексии, что, по мнению авторов, наилучшим образом соответствует задачам феноменологической интерпретации.

то есть выделение ценностно-рациональных установок социального действия, с одной стороны, и, с другой – акцентирование феноменологических и экзистенциально-бытийственных характеристик, наполняющих понятие «жизненный мир» новопоселенцев. Одновременно снимается покров магической тайны с тех, кто предпринимает, казалось бы, нелогичные и странные действия, связанные с обустройством постоянных мест жизни и отдыха на далеких расстояниях от городского дома.

В феноменологической традиции подлинная социальность заключается не в объективизированных и опредмеченных формах взаимодействия субъектов, а в соприкосновении жизненных миров на микроуровне, миров, находящихся, образно говоря, на расстоянии вытянутой руки. А. Шюц, развивая классические идеи Э. Гуссерля, предложил сделать структуры сознания основой социального конструирования реальности, создающей свой жизненный мир, мир повседневности, обыденности и настоящей «человечности». Исследовательская стратегия в этом случае предполагает погружение в мир человека, наполненный заботами не только о проблемах общего порядка, но и о мелочах жизни, интерпретациями повседневности, что в итоге составляет органичный симбиоз «горнего» и «дольнего». Исследователь-феноменолог вскрывает экзистенциально значимые смыслы повседневности, раскрывает естественную установку непосредственного («лицом-к-лицу») отношения к миру, реконструирует intersubjectивное наложение взаимных перспектив-проекций индивидов и воссоздает их жизненные миры. В современной отечественной социологии свое видение феноменологического концепта «жизненный мир» предложил Ж.Т. Тощенко [Тощенко, 2016; Смыслы сельской жизни..., 2016].

Жизненный мир и ценностные ориентиры городского поселенца в деревне – многоуровневая ментальная конструкция, которая включает различные компоненты. Это переживание пространственной удаленности от мегаполиса, попытка уйти от цивилизации в мир уединения, «заброшенность» в мире, поиск лучшей экологической среды обитания, удовлетворение эстетического чувства, возникающего при виде девственных природных ландшафтов. Наконец, обретение «дома» во всем многообразии смыслов, включая возрождение исторической памяти: реконструкция локальных построек, сохранение предметов быта и документов, воспроизводство традиционных бытовых практик.

В современной возвратной дачной миграции первостепенную роль, как показывают исследования, играет не скольжение по поверхности в контексте ныне модного «сельского/агротуризма», а «укорененность», привязка к локусу, к земле, поиск постоянного жилища, дома и очага. Деревенские дома, используемые для временного или более длительного проживания, обретают самостоятельный экзистенциальный смысл. Если первоначально в сознании горожан сельские дома играют роль просто аналогов пригородных дач с соответствующими паттернами поведения, то через какое-то время новые домовладения «захватывают» и «подчиняют» себе вновь прибывших, заставляя менять стили поведения, превращаясь в своего рода *самодовлеющий* феномен сознания [Ильин, 2017; Демидова, 2018; Смыслы сельской..., 2016]³. Можно говорить и об «архаике» как ресурсной составляющей жизненной картины мира горожанина в сельской местности, которая определенным образом снимает, редуцирует напластования эпохи потребления и повсеместной цифровизации, акцентируя непреходящие истины бытия в противовес суетности и скольжению по поверхности, характерных для жизни в больших городах⁴.

«Я устал от жизни в городе, от семейной жизни. Подмосковная дача была полудостроена, она меня тоже не устраивала, потому что в поселке все разгорожено заборами. Мне

³ Социолингвистическая проблема состоит в том, что в русском языке смыслонаделение термина «дача» несет на себе печать вторичности, сугубо рекреационного, несерьезного, праздного, не связанного с бытийственностью. Адекватного термина для выражения смысла удаленного внегородского обиталища горожанина пока не выработано.

⁴ Примечательно, что в значительной степени эта позиция в рамках своей эпохи сформулирована и изложена в классическом произведении американского писателя и философа Г. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854).

хотелось выйти на какой-то совершенно другой горизонт. Большой любви к сельской жизни или к сельскому быту я как не испытывал, так и не испытываю сейчас. Но меня мотивировала природа, возможность уединения. И я купил в деревне пустующий дом» (московский профессор, 68 лет).

Смыслы «дома» в широком понимании и чувствовании. Понятие «дом» порождает множественные коннотации, включая «жилище», «убежище», «место отдохновения и покоя», «область независимости», «интимности и неприкосновенности» и другие. «Дом, – подчеркивал А. Шюц, – есть исходная точка, а также конечная цель. Это нулевая точка системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы ориентироваться в нем... Понятие "дом" имеет труднопередаваемый эмоциональный и символический характер» [Шюц, 2003: 209]. Жилище, дом – один из основных символов-универсалий культуры. «Дом» – экзистенциальная категория, область символического сенсуализма, интенция к трансценденции и онтолого-эстетический феномен (см. работы М. Хайдеггера, Э. Левинаса, А. Шюца, М. Бубера, А.К. Байбурина и др.). Постичь концепт «дом» феноменологически можно не только логически-рационально, но и с помощью телесного опыта и психологического восприятия. Живя в доме, важно «переживать» и «чувствовать» его физически, ощущать его текстуру, материальность, его запахи и звуки. Телесные восприятия интериорируются и соединяются с феноменологическими образами «места» [Angelova, 2010; Maveety, 2008].

В ряд смысловых точек интериоризации входят внешний вид и интерьер дома, символические элементы крестьянского быта, включаемого в мировосприятие новых владельцев. Происходят так называемые *ревитализация* и *доместикация* – «одомашнивание» бывших крестьянских изб. Проводя ладонью по бревенчатому срубу, горожанин ощущает гамму неизведанных прежде чувств, наполняющих его ценностный мир. В опыте возникает симбиотическая реакция – сочетание и взаимодействие исторических пластов памяти «здесь и теперь»: память о прошлой жизни дома, связанной с крестьянством и запечатленной в символике материальных объектов, и современной в лице новых владельцев с их современным городским жизненным миром.

«Могу бесконечно смотреть на эти огромные деревянные ряды бревен, на срезы, на эти неповторяющиеся узоры, сучки, зарубленки, на мох, которым затыкали щели. В голове проносятся самые разные образы. Это и леса, и вековые сосны, и природа, и огромный человеческий труд. Ведь все было сделано обычным топором, без электричества, без бензопил. Непостижимо... Дом – он живой, он много помнит, хотя его создателей уже давно нет. Теперь мы живем в этом доме» (ученый-биолог, москвичка, 47 лет).

Дом – как архитектурный комплекс – одна из системообразующих категорий предметного мира, его главная составляющая. Это своего рода промежуточное пространство между субъективным миром человека и миром природы. Архитектура дома оказывается моделью феноменологического созерцания и смыслонаделения создаваемого пространства [Кияненко, 2008; Домников, 2008; Каганский, 1997].

Внешний облик домов Ближнего Севера во владении их новых хозяев, как правило, малозаметно меняется после реконструкции. Постройки представляют собой массивные срубы конца XIX – начала XX в. Новые владельцы стараются сохранить внешний и внутренний облик, при этом приспособить сельский дом к себе и своим потребностям, создать относительно комфортное и уютное пространство.

Каждый сельский дом в отличие от типовой городской квартиры имеет «дух», свой «норов», собственную инженерную и архитектурную планировку, строился под потребности первых хозяев. Поэтому *ревитализация* конкретного сельского дома всегда представляет собой индивидуальный проект и одновременно своего рода новый текст, который легко считывается даже при первом взгляде на него.

«После приобретения собственности было до удивительности много энергии и мотивации. Потом нужно было перестраивать дом – его поднимать, восстанавливать. Я абсолютно не знал, как это делается. Когда покупал, не знал, что нижние венцы сруба были гниловаты.

На низком месте построен. Пришлось их менять. Я решил, что не буду имитировать сельский быт, сельскую культуру, становиться своего рода этнографом. При сохранении внешней аутентичности ничего не пристраивая, буду внутри делать все по-европейски. Сохранять внешний облик при изменении внутреннего содержания. Такова была моя концепция» (московский профессор, 68 лет).

«Расширенным» домом можно называть и двор, и сад-огород, и возделанное поле, и местный ландшафт, даже планировку традиционного поселения, вписанную в среду, словно здесь потрудились профессиональные архитекторы и художники-декораторы, не просто крестьяне. Категория ландшафта, в свою очередь, сопряжена с определенным топосом, местом. Культурный ландшафт – жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, но только если это пространство одновременно и цельно, и дифференцировано, если утилитарно освоено, «окультурено» (не заброшено) [Каганский, 1997].

Ландшафтный комплекс помимо «кормящей функции» несет в себе функцию «защиты». В этом контексте существует понятие «счастливого» расселения, своего рода «гения места» – удачного расположения в природной и социальной среде. Архитектурно-планировочная организация сельских поселений, как правило, учитывала преимущества расположения на выпуклых расходящихся склонах с тем, чтобы преобладающие ветровые потоки были направлены поперек горизонталей рельефа [Гаевская, 2011]. «Тут удивительное место – такое высокое, открытое... Столько неба, воздуха, пространства, ничего подобного нет в городе... горизонт виден из любой точки» (научный сотрудник, москвичка, 49 лет.)

Совсем не случайный концепт «дом» в историко-философской и культурно-антропологической интерпретациях рассматривается как символ космоса и упорядоченного пространства, хранилище родовой мудрости, как основа экзистенции, процесс творчества и созидания, наконец, как константа в ситуации культурного кризиса (М. Хайдеггер, Э. Левинас, М. Бубер, М. Элиаде и др.). И именно с проблемой культурного кризиса сталкиваемся мы, обращаясь к опыту информантов. Этот опыт продиктован стремлением городских жителей найти дом не только в узком смысле (владельцы дальних дач используют свои дома несколько летних месяцев, если речь идет не о единичных случаях дауншифтинга). Речь идет о доме как более обширной категории – как ресурсном источнике, благодаря которому можно обрести уединение и точку опоры в глобализующемся мире.

Феномен «второго дома». «Дальние» дачи как преодоление внутреннего кризиса.

С покупкой деревенского дома жизнь горожанина меняется – возникает не просто новый локус, новый материальный объект: возникают новые социально-психологическое пространство, новые практики, новый опыт, круг ответственности, новый «жизненный мир». В экзистенциальном смысле решение владеть «вторым домом» далеко в деревне – это попытка преодоления внутреннего кризиса, связанного с городом. В этом случае речь идет о своеобразном эскапизме, бегстве: человек перемещается в более жесткую, порой дискомфортную среду, проходя и проживая процесс очищения от «избыточности», «избалованности», «скверны» города.

В исследованиях процесс владения «вторыми домами» может интерпретироваться посредством концепта «двумирности», «жизни на два дома», «в двух измерениях» [Gallent, 2014; Горожане в деревне, 2016; Трейвиш, 2016]. «Второй дом» дарит людям то, чего у них нет в обычной городской жизни, чего не может дать поверхностный туристический опыт. С одной стороны, это общение с природой. «Когда мы смогли – мы тоже дом в деревне купили. Детям было очень полезно находится здесь для здоровья. Здесь очень здоровый климат, чистая природа. Могут и на речку сбегать, и в лес сходить. Можно жить все лето, и даже захватить начало осени» (ученый-биолог, москвичка, 47 лет).

Главный эффект «второго дома» – возможность начать жить иной, более полноценной жизнью, раскрывая перспективы самореализации и диверсификации жизненных миров [Quinn Deirdre, 2010; Трейвиш, 2016]. «Не знаю, как объяснить <...> Здесь начинаешь жить настоящей жизнью. Видеть небо, траву, лес, вдыхать запахи, слушать птиц и кузнечиков. Даже свое тело чувствуешь как-то по-другому. В городе такая гонка, что просто уже

не понимаешь – ты это или не ты. Все время в напряжении. Здесь же как будто заново обретаешь себя. Два-три дня – и город отпускает. Пытаются иногда по работе достать – а ты, ха-ха, далеко, до тебя не дотянуться... К тому же мобильная связь плохая, никто толком не может дозвониться» (профессор, москвич, 72 года).

Система ценностей информантов-горожан, живущих на два дома, часто (но не всегда) основывается на ценностях, включающих озабоченность состоянием местных деревенских сообществ, сострадания им, жертвенность, соединенных с превалированием духовного начала. Все это – традиции российской интеллигенции. Горожанин-интеллигент не просто покупает дом в деревне – он начинает проект «оживления», «возрождения» деревяного исполина, нередко относясь к дому как полуживому существу. С естественной участливостью горожанин смотрит на местное сельское население, зачастую сильно романтизируя его и предпринимая попытки как-то улучшить его жизнь⁵ [Нефедова и др., 2016; Ойкумена Ближнего Севера, 2015; Nefedova, Pokrovsky, 2018].

Владение сельским домом не несет очевидных прагматических выгод, нередко оценивается общественным мнением как развлечение горожанина. *«Вначале мое приобретение рассматривали как прихоть, как дурь, как чудачество на грани адекватности»* (университетский профессор, москвич, 68 лет). В этом шаге, действительно, значительна составляющая этико-эмоционального решения и проявления своеобразного эскапизма. Покупку деревенского дома в полузаброшенной деревне можно сравнить с дезурбанизационной практикой строительства домов в лесу (пример – первоначально американский, а ныне международный проект «Innermost House» («Сокровенный дом»))⁶.

Доместикация и смыслы пространства сельского дома. Процесс реконструкции дома и его доместикацию можно называть личным творческим проектом, что связано с процессом реконструкции и со сменой экзистенциально-бытийственных характеристик: из заброшенной крестьянской избы он превращается в жилое пространство, наполняется новыми смыслами. Казалось бы, деревенская изба экзистенциально противоположна современному идеалу жилища. Она, старая и унылая, напоминает о далеком прошлом, об ушедших поколениях. Но в сохранении дома в первоначальном виде новые владельцы видят глубокий смысл – изба превращается в символ вечности и преемственности поколений. Мы сталкиваемся с примерами «вечного настоящего», которое переосмысливается через потребности современности.

«Что сохраняем в деревенском доме: красный уголок, и еще в нашем доме – стоят иконы, хотя мы и неверующие, занавески; остались кольца для люлек. Печка – самое главное, что остается. Если дом чинится, все делается по-старому. Фронтон – на него одна доска, на нее – другая. Есть осевая. Все, что связано с домом, все остается» (пенсионерка, в прошлом геолог, москвичка, в деревне на ПМЖ, 60 лет).

В большинстве случаев к новым владельцам переходят вещи, сохранявшиеся десятилетиями хозяевами: предметы крестьянского труда, стеклянная посуда-тара, семейные фотографии, письма, колхозные книжки, счета-жировки, грамоты от колхозного начальства и пр. По ним можно реконструировать ушедший жизненный мир семьи, прикоснуться к нему, почувствовать наложение истории. Раскопки навсегда ушедшей семейной жизни – поистине и увлекательное, и трогательное, и горестное занятие.

Фундаментальная внешняя перестройка крестьянской избы – это скорее исключение из правила. Интерьер может несколько измениться, как правило, в сторону очищения от поздних напластований и восстановления первоначального состояния. *«С помощью местных плотников я убираю все внутренние перегородки в жилой части избы и освобождаю*

⁵ Можно утверждать, что традиционная российская интеллигенция, потеряв точку опоры в современном мегаполисе, составляет передовой отряд переселенцев, осваивающих дальние периферии на Ближнем Севере страны. Это и бегство («Уйди, уйди от мира! В нем правды нет!», А.К. Толстой «Царь Федор Иоаннович»), но это и создание нового жизненного мира в относительной и отнюдь не иллюзорной независимости от тотального бюрократического менеджмента в городе [Попов, 2017].

⁶ См.: <https://www.innermosthousefoundation.org> (дата обращения: 31.08.2019).

пространство. Изначально, как правило, бревенчатые стены выструганы и зашпатлеваны мхом, чтобы бревна не пропускали холодный воздух. И вот тут большая проблема: сельские жители обожали их красить масляными красками самых диких цветов. Иногда заклеивали обоями. <...> Вот тут наступает момент истины, все стены нужно отдирать, потому что самое красивое – это чистое дерево. Пытался это делать рубанком, потом острыми металлическими инструментами, стамесками и шпателями. Пытался выжигать специальными строительными фенами, которые обугливают краску. Но краска никак не слезает. <...> Лучший способ избавиться от краски, это использовать металлические щетки на дрели или болгарке. <...> Местные ребята проклинают эту работу, но делают. Куда деваться? Необходимо к тому же вскрыть и очистить все рамы на окнах, а их бывает десять-одиннадцать» (университетский профессор, москвич, 68 лет).

В сельской местности городские стараются сохранить аутентичные черты предметного мира прошлого, демонстрируя смекалку и творчество. «В деревенском доме оставили все как было – лавки, стол был немного поменьше. Стол из того дома. Ручной работы. Мы очень его ценим. Кровати железные, да все в общем-то. Этот диванчик замечательный был совершенно раздолбанный. Этот диванчик из барского дома, который сожгли когда-то. Видно, крестьяне растащили мебель. Я долго уговаривала реставрировать, но никто не хотел связываться. А тут вот у меня плотник из Угор делал ремонт, сам краснодеревщик по образованию, я попросила его хотя бы что-то сделать. Он сделал – прекрасно получилось. Это дореволюционная вещь. У меня еще венский стул стоял, но из него только пуфик сделали, потому что спинку реставрировать уже бесполезно. А так вот – здесь стоял залавок. Ну все прежнее. По минимуму, мы не любим чего-то новое делать» (ученый-биолог, москвичка, 47 лет).

При реконструкции избы, как правило, сохраняется традиционная система отопления. Есть русская печь, есть вторая – «варочная» или иначе – «голландка». «Отопление печное. В каждом доме есть русская печка и подтопок. Русская печка изначально – для еды и запаривания кома для скота. Топить русскую печку, чтобы обогреть дом – бесполезно. Зимой русскую печку редко топят. Топят подтопок. В печке – нужно, чтобы ходы сужались. Весной, иногда и летом тоже топиться, когда холодно» (пенсионерка, в прошлом геолог, москвичка, в деревне на ПМЖ, 60 лет). Печь, печное хозяйство обладает некоей символической значимостью в глазах горожан. Хотя куплены и электроплитка, и газовый балон, печку все равно топят. Печь – символ тепла и уюта; приготовление пищи, магия потрескивающих дров, это в конце концов сама жизнь. Понятие «уют» в антропологии – этико-эстетический феномен, основанный на противопоставлении мира порядка, с одной стороны, и мира иррационального, непредсказуемого – с другой. В деревенской избе это чувствуется особо остро. Огонь – большая опасность потери дома, он может сгореть минут за 20, чему каждый год имеется масса примеров. Печь – это феноменологическая конструкция и жизни, и смертельной опасности.

Помимо дома обязательно есть баня, небольшая деревянная постройка, как правило, с низким потолком и чрезвычайной важностью для домовладения. Туалет в крестьянском доме традиционно располагался в хлеву – на сеновале, «втором» уровне над хлевом с животными, там делали выгородку с дыркой. Сейчас горожане, как правило, сооружают отдельно от дома кабинки, аналогично дачным. Некоторые создают удобства в доме, в специальном помещении. В одном из домов, например, встретился туалет с душем, полным набором городского санитарного-гигиенического комфорта и надписью «WC» – маркером глобализации. Моду делать туалет внутри теплой части дома с неохотой и опаской перенимают у дачников некоторые деревенские.

Концепт жизненного пространства тесно связан с переживанием человеком своей идентичности, самости. Это переживание неотделимо от ежедневных практик и занятий. Примечательно: многие горожане, закрепившись в деревне, принимают собственно вручную с большим удовольствием плотничать и столярничать, чего практически никогда не делают в городе. Одновременно распространены и чисто «интеллигентские» занятия – чтение литературы, разного рода творчество, хождения в гости, дискуссии на «серьезные

темы», созерцание природы. У большинства дачников телевидения нет; ценится пасторальное наблюдение звездного неба, восхода солнца, закатов, перелетных журавлей, садящихся на ночевку за околлицей. Огромное впечатление на тех, кто застанет раннюю весну, производит заглушающий все иные звуки шум таящего снега, стекающего в ручьи, вскрытие льда на реке...

Окружающий природный и материальный мир, сельские практики формируют ценностное содержание концепта «деревенский дом», комплекс экзистенциальных переживаний, которые определяют дезурбанизационный выбор горожанина.

Что в будущем? В современном мире есть тенденция дегуманизации повседневности, социальных практик, жилища, что особенно заметно в современном мегаполисе, плодятся многоэтажные гетто, в которых личность нивелируется и сводится к одномерному и однонаправленному менеджериальному функционалу. Регион Ближнего Севера содержит огромный экологический и социокультурный потенциал. На его территории еще сохраняется немалое число исторических памятников, к ним относятся северные русские деревни. Наряду с процессом «опустынивания» и умирания сельских поселений идет обратный процесс ревитализации сельского пространства. Крестьянские избы выкупаются горожанами, получая вторую жизнь. На базе обновленных деревень естественным образом создаются кластеры ценителей альтернативных городу моделей существования.

Большинство респондентов – горожане, жизненный мир которых определяют антиконсьмертистка философия, культ простоты. «Архитектурное чувство» сторонников сельской архаики и включения ее в модерный мир основано на стремлении к организации жизни в первозданном, аутентичном, целостном, надежном варианте. Феноменологический анализ позволяет глубже и многомернее реконструировать, понять и прочувствовать внутренний мир новых поселенцев.

Представленные в статье данные и интерпретации могут представлять практический интерес. В условиях нарастающего процесса дезурбанизации и дачной миграции «расколдование» мира горожан, переселяющихся за далекие горизонты, позволяет проникнуть в их внутренний мир, раскрыть жизненные приоритеты и ценности. Это важный шаг в направлении обнаружения незадействованных факторов устойчивого развития малых территорий и сельских сообществ. Дачная миграция – это серьезно!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаевская З.А. Ландшафт и региональные особенности расселения Нечерноземья // Архитектон: Известия вузов. 2011. № 2(34).
- Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и село-городские сообщества / Под ред. В.И. Ильина, Н.Е. Покровского. М.: Университетская книга, 2016.
- Демидова Ю.А. Феномен дауншифтинга в России на примере внегородской среды Ближнего Севера (по материалам экспедиций Костромской области Мантуровского района сельского поселения Леонтьевское) // Социологический ежегодник. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Е. Покровского. М.: ИНИОН РАН, ВШЭ, СОПСО, 2018. С. 167–176.
- Денисенко М.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. №12. С. 70–81.
- Домников С.Д. Хозяйство и культура. Введение в феноменологию традиционного текста. М.: РАН, 2008.
- Ильин В.И. Русская изба в процессе трансформации от сельского жилища к даче // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Вып. 4. С. 454–468.
- Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 160–169.
- Кияненко К.В. Юхани Палласмаа о геометрии чувств, чувстве дома и силе «слабой архитектуры» // Архитектурный вестник. 2008. № 4. С. 160–165.
- Между домом и... домом: Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.
- Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 52–61.

- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
- Ойкумена Ближнего Севера России / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга, 2015.
- Попов Д.С. Дауншифтинг интеллигенции как способ культурной консервации // Социологический ежегодник. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Е. Покровского. М.: ИНИОН РАН; ВШЭ; СОПСО, 2017. С. 101–110.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. Коллективная монография / Под редакцией Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПИМ, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.
- Трейвиш А.И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп Weekly. 2015. № 655–656. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/demoscope655.pdf> (дата обращения: 31.08.2019).
- Шютц А. [Шютц А.] Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. М.: НЛО, 2018.
- Angelova L. Phenomenology of Home. South Florida: University of South Florida, 2010.
- Gallent N. The Social Value of Second Homes in Rural Communities // Housing, Theory, and Society. 2014. Vol. 31. No. 2. P. 174–191.
- Maveety J.R. Phenomenology in Dwelling: Culture and Meaning of Place; A Proposal for a Mountainside Dwelling. Tennessee: University of Tennessee, 2008.
- Nefedova T., Pokrovsky N. Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities // European Countryside. 2018. No. 4. P. 673–692.
- Quinn Deirdre N. Holiday Home, Sweet Home: a Phenomenological Approach to Second Home Living in Ireland. Dublin: Dublin Institute of Technology, 2010. DOI: 10.21427/D7K328.

Статья поступила: 03.09.19. Финальная версия: 15.10.19. Принята к печати: 25.10.19.

PHENOMENOLOGY OF THE «LIFEWORLD» OF URBANITES IN THE EXTRA URBAN SPACE IN THE NEAR NORTH: THE HOUSE AND DOMESTICATION

POKROVSKY N.E.*, NIKOLAEVA U.G.***, DEMIDOVA Ju.A.**

*National Research University Higher School of Economics, Russia; **Moscow Lomonosov State University, Russia

Nikita E. POKROVSKY, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chair of General Sociology, National Research University «Higher School of Economics»; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (npokrovsky@hse.ru); Uliana G. NIKOLAEVA, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Senior Research Fellow, Division of Demography, Department of Economics, Moscow Lomonosov State University (ynikolaena@list.ru); Julia A. DEMIDOVA, Graduate Stud., History Department (Ethnology and Anthropology), Moscow Lomonosov State University (demidova.jullia@gmail.com). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was written as a part of a study supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00562.

Abstract. The article deals with a phenomenological reconstruction of the «lifeworld» of urbanites who buy houses in the countryside for recreation and who then begin to create a different, non-urban models of existence, the center of which becomes a rural-style log house. The empirical frame is based on the so-called «distant dachas». These are houses bought by urbanites in the villages in the peripheral rural areas located more than 400–600 km from the major cities – Moscow or St. Petersburg. This process is accompanied by the formation of a special «lifeworld» (in terms of phenomenology) among the townspeople with associated mental structures such as «home», «hearth», «possession», «historical past», «world of belongings of previous owners», «abandonment in space», «solitude», «significant other», «archaic», etc. In the Near North of Russia, specifically in the villages of the Kostroma Oblast, among the urbanites – summer residents and downshifters, one can observe a special approach to organizing everyday life, involving the individualization of their living space with the priority of intangible values that fit into the context of preserving the socio-cultural space of their vision of the ideal Russian village.

Keywords: de-urbanization in Russia, reverse migration – megapolis to rural areas, 'dacha' migration, lifeworld of citizens in rural settlements, phenomenology of housing, rural everyday life.

REFERENCES

- Angelova L. (2010) *Phenomenology of Home*. South Florida: University of South Florida.
- Demidova J.A. (2018) The Downshifting Phenomenon in Russia: the Case of Near North (on Expedition Materials from Rural Settlement Leontievskoe of Manturovsky District, Kostroma Region). In: *Sociological Yearbook*. Moscow: INION RAN; HSE; Society of Professional Sociologists: 167–176 (In Russ.)
- Denissenko M., Nikolaeva U. (2015) What Happens to the Rural Population in the Russian Near North? (the Case of Kostroma Region). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 70–81.
- Domnikov S.D. (2008) *Economy and Culture. Introduction to the Phenomenology of Traditional Text*. Moscow: RAN. (In Russ.)
- Etkind A. (2018) *Internal Colonization*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Gaevskaya Z.A. (2011) Landscape and Regional Features of the Settlement of the Non-Black Earth Region. *Arkhitekton: Izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education]. No. 2(34). (In Russ.)
- Gallent N. (2014) The Social Value of Second Homes in Rural Communities. *Housing, Theory, and Society*. Vol. 31. No. 2: 174–191.
- Ilyin V.I. (2017) Russian Traditional Cottage in the Process of Social Transformation from the Rural Dwelling to Summer House. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. No. 4: 454–468. (In Russ.)
- Ilyin V.I., Pokrovsky N.E. (eds) (2016) *The Urban Dwellers in the Village. Sociological Studies in the Russian Interior: Dezurbanization and Rural-urban Communities*. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
- Kaganskiy V.L. (1997) Landscape and Culture. *Social Sciences and Modernity*. No. 2: 160–169. (In Russ.)
- Kiyanenkov K.V. (2008) Juhani Pallasmaa on Geometry of Feelings, Sense of Home and the Strengths of 'Weak' Architecture. *Arkhitekturny vestnik* [Architectural Journal]. No. 4: 160–165. (In Russ.)
- Maveety J.R. (2008) *Phenomenology in Dwelling: Culture and Meaning of Place; A Proposal for a Mountainside Dwelling*. Tennessee: University of Tennessee.
- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G. (eds) (2016) *Between the Home and... Home. Return Spatial Mobility of Population in Russia*. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Nikolaeva U.G., Pokrovsky N.E. (2016) Intelligentsia in the Space of Non-urban Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 52–61. (In Russ.)
- Nefedova T., Pokrovsky N. (2018) Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities. *European Countryside*. No. 4: 673–692.
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. (2015) Urbanization, Desurbanization and Rural-urban Communities in the Face of Growing Horizontal Mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12. C. 60–69. (In Russ.)
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds) (2015) *Oecumene of the Near North of Russia*. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds) (2014) *The Potential of the Middle North: Economics, Ecology, Rural Settlements: collective monograph*. Moscow: Logos.
- Popov D.S. (2017) Downshifting Intelligentsia as a Way of Cultural Conservation. In: *Sociological Yearbook*. Moscow: INION RAN; HSE; Society of Professional Sociologists: 101–110. (In Russ.)
- Quinn Deirdre N. (2010) *Holiday Home, Sweet Home: a Phenomenological Approach to Second Home Living in Ireland*. Dublin: Dublin Institute of Technology. DOI: 10.21427/D7K328.
- Schutz H. (2003) *The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology*. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (2016) *The Meanings of Rural Life (Experience of Sociological Analysis)*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Treivish A.I. (2015) Country Mobility, Country Mentality, and Country House. *Demoscope Weekly*. No. 655–656. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/demoscope655.pdf> (accessed 31.08.2019). (In Russ.)

Received: 03.09.19. Final version: 15.10.19. Accepted: 25.10.19.